

Едва эта мысль возникла у меня в голове, я тут же её отбросила: не говоря уже об этой группе нищих, даже обычных простолюдинов, посмеявших преградить путь каю, безжалостно уничтожили бы. Рассчитывать на то, что караван проявит милосердие и сжалится над этими людьми, было бы чистой воды наивностью.

Всего их было около дюжины, связанных друг с другом узами родства или знакомства. Видимо, они вместе докатились до нищенской жизни, и это вызывало жалость. Среди них выделялись двое маленьких детей: одного взрослая женщина прижимала к груди, а другого крепко держала за руку. Он волочился по земле с опухшими глазами, бледный и истощенный, кажется, у него даже не осталось сил плакать и капризничать.

Торговцы по обе стороны улицы спешно убирали свой товар, а некоторые даже отмахивались от нищих, стремясь держаться подальше. Кое-кто показывал на них пальцем: на лицах читалось сочувствие, но подходить и помогать никто не собирался — зеваки так и остались стоять вдалеке.

Глядя на этих малышей, я чувствовала, как к горлу подступает горький ком, волна за волной смывая прежнюю тоску по поводу человеческой неприязни. Они заставили меня вспомнить моих милых учеников и профессию, которую я когда-то так горячо любила.

Толпа нищих медленно добралась до чайного дома, где я сидела, и опасливо приблизилась к входу.

Старшая из них, женщина лет пятидесяти, поправила свое ветхое, выцветшее донельзя длинное платье, почтительно поклонилась управляющей, прибежавшей на шум к дверям, и жалобно принялась о чем-то умолять.

Через перекрытие второго этажа я не расслышала ее слов, но по разочарованным и обиженным лицам людей за ее спиной легко догадалась: ответ управляющей, скорее всего, был отказом.

Видя, что слуги за спиной управляющей уже готовы прогнать нищих, я поспешно отправила вниз стражницу, приказав ей остановить их и привести несчастных наверх. В конце концов, весь второй этаж был занят только нашей компанией, так что можно было не бояться помешать другим гостям, да и места здесь было достаточно, чтобы разместить эту группу людей.

Вскоре лестница гулко застучала под ногами: стражница вела наверх большую толпу, а следом за ними неотступно шли управляющая со слугами — вероятно, опасаясь за сохранность заведения.

Приказав бродягам остановиться в нескольких саженях от меня и не сметь подходить ближе, стражница встала у меня за спиной. Остальные охранники тоже напряженно выстроились рядом, положив руки на рукояти мечей и ежесекундно готовые к отражению угрозы. Исходившая от них едва заметная, но грозная аура заставила нищих замереть в страхе, не смея

сделать и движения.

— Ничего страшного, — жестом остановив стражниц и показывая, что им не нужно пугать людей, я посмотрела на перепуганных бедняков и мягко произмла: — Садитесь все. Я позвала вас сюда лишь затем, чтобы задать пару вопросов, у меня нет злых намерений.

— Управляющая, принесите им какой-нибудь легкой и питательной еды. — Услышав мои слова, Цзян Чжо не стала возражать, а лишь бросила управляющей маленькую серебряную монетку, молчаливо разрешая исполнить приказание.

— Ой, гости дорогие, подождите минутку, сейчас все будет, сию минуту! — перед нами управляющая мгновенно сменила личиночное выражение лица на подобострастное. Трудно сказать, было ли это следствием жажды наживы или ее смертельно испугало оружие на поясе стражниц, но, какова бы ни была эта уважительная причина, подобное раболепство всегда вызывало лишь неприязнь.

— Благодарю вас, госпожа. — Женщина, заговорившая первой, выглядела лет на пятьдесят и производила впечатление главы семейства. Манера кланяться и речь выдавали в ней человека хорошо образованного, что заставило меня еще сильнее удивиться: как они докатились до жизни на паперти?

Когда я озвучила свой вопрос, на ее лице проступила горькая печаль, а мужчины за ее спиной не выдержали и тихонько заскулили. Те парни казались совсем молодыми, но грязь и сажа скрывали их истинные лица, не позволяя толком разглядеть черты. Их плач вовсе не походил на прелестное девичье умиление со слезами на глазах, похожими на лепестки груши, — напротив, для меня, еще не привыкшей к миру, где женщины правят мужчинами, это зрелище выглядело дико и неловко.

— Госпожа, вы многого не знаете. Старуха родом из Города Сяньвэй, мой дом стоял у самой реки Цзиньхэ. У предков было несколько клочков бедной земли, но на прокорм большой семьи хватало, — рассказывая это, она то и дело тяжело вздыхала, словно пытаясь выдохнуть все выпавшие на их долю несчастья. — Кто же знал, что на Цзиньхэ обрушится страшное наводнение! Вода прорвала дамбу и затопила все поля у реки. Жизнь-то мы чудом спасли, но все ценное имущество смыло потоком. Волей-неволей нашей семье пришлось пойти по миру с протянутой рукой, чтобы выжить.

— Наводнение на реке Цзиньхэ? И когда же это случилось? — Я бросила взгляд на Цзян Чжо и заметила, что та нахмурилась: судя по всему, она тоже услышала об этом впервые. — Разве императорский двор не выделял средства на ликвидацию последствий стихийных бедствий?

По идее, в любую эпоху при стихийных бедствиях полагался целый комплекс мер по оказанию помощи и успокоению народа. Неужели в Да-У все обстоит иначе?

Судя по моему впечатлению, Куан Сицин была далеко не глупой и не бесталанной правительницей, и нет никаких причин, почему она осталась бы равнодушной к наводнению и

сложив руки наблюдала за бедой.

Тогда одна из молодых женщин в толпе горько усмехнулась:

— Выделял средства? Ха! Слышать-то мы слышали, что двор отправил деньги и зерно, да только чиновники на местах обирали народ слой за слоем. Пока помощь дошла до нас, много ли от нее осталось медных монет? Её слова лишили меня возможности возразить, оставалось лишь молчать. Пусть я и не была политиком, но всё же кое-как разбиралась в этих хитросплетениях. И именно понимание того, что она говорит чистую правду, лишало меня всяких слов.

А будучи частью этого правящего класса, я и вовсе не имела права давать какие-либо оценки.

На лестнице снова раздался шум: парнишка-слуга из чайной принёс еду и закуски, что хоть немного разрядило недавнюю гнетущую атмосферу. Я с облегчением выдохнула и пригласила всех садиться за стол.

Они тоже давненько не ели досыта, а завидев изысканные сладости, тут же принялись запихивать их в рот. Уплетая за обе щеки, они уже не могли говорить со мной.

Ребёнок, который всё это время прятался на отцовских руках, робко поднял голову и посмотрел на меня. Его полный желания взгляд бегал между моим лицом и стоявшей рядом тарелкой с печеньем в форме бабочек, вызывая у меня добрую улыбку, и я невольно поманила малышку к себе.

— Госпожа... — тихо предостерег один из охранников, явно будучи против того, чтобы ребёнок приближался.

Я отмахнулась, не придавая этому значения: подумаешь, пяти- или шестилетний малыш, неужели она может оказаться убийцей?

Малышка боязно посмотрела на меня, оглянулась на отца, снова уставилась на тарелку с выпечкой и наконец решилась. Извернувшись, она выскользнула из отцовских объятий и короткими шажками побежала ко мне, пытаясь на цыпочках дотянуться до лежавшего под рукой печенья. Видя, как ей тяжело, я подхватила её подмышки и усадила к себе на колени, одновременно пододвинув тарелку прямо к её глазам и налив ей чашку чая.

В отличие от неё, другой ребёнок, постарше, всё так же робко прятался за спиной отца: хотя его и одолевало искушение, в конце концов он испуганно съёжился и не осмелился подойти. Наверное, потому что он был мальчиком.

Уверенно устроившись у меня на коленях, кроха с радостью засунула в рот целиком кусок печенья, раздув щеки донельзя и став похожей на жадную маленькую белку — до чего же милую. Я стерла крошки с её уголка рта и протянула чаю, заодно незаметно утирая пот. Пусть малышка и была мала, но весила немало, и даже простое поднятие её на руки оказалось немалой нагрузкой для этого тела.

Было заметно, что она не только уже давненько нормально не ела, но и, судя по всему, не мылась: от её волос и одежды исходил кислый запах. На фоне того, как она зажмуривала глаза от счастья, уплетая еду за обе щеки, это вызывало жгучую жалость. Я похлопала её по спинке, чтобы она не подавилась от слишком поспешной еды, а боковым зрением заметила напряжённое выражение лица её отца и многозначительный взгляд Цзян Чжо. Её отец

нервничал — это ещё можно было понять, но вот взгляд Цзян Чжо поставил меня в тупик. Поразмыслив немного, я тут же всё поняла и горько усмехнулась: верно, с характером Куан Сихань разве стала бы она заботиться о жизни и смерти каких-то простолюдинов? И тем более — без тени брезгливости усаживать себе на колени ребёнка от которого разит за версту.

Я понимала, что снова совершила поступок, способный вызвать подозрения, но ничуть об этом не жалела. Во-первых, мы уже покинули Гуаньянь в Имперской столице, здесь не было ни Янь Кэ и Куан Сицин, которые слишком хорошо знали прежнюю хозяйку тела, ни личной служанки Сяо Чань, следившей за каждым шагом. Кто теперь сможет распознать, что я больше не та Лин-ван?

К тому же, где-то в глубине души у меня таилась смутная мысль: даже рискуя быть разоблаченной, я хотела, чтобы Цзян Чжо знала — я больше не та прежняя, вызывающая всеобщую ненависть Куан Сихань.

— Что вы собираетесь делать дальше? — слегка покачав малышку на коленях и заставив её звонко захихикать, я посмотрела на пожилую женщину, которая изнемогала от смущения и боялась лишний раз прикоснуться к еде. — Неужели так и будете вечно просить милостыню?

— Это... — она нахмурилась и замолчала, было очевидно, что этот вопрос давно не даёт ей покоя.

— Что вы умеете? Есть ли у вас способ заработать на жизнь? — подумав, спросила я снова.

— Если честно, старуха в своё время провалила экзамены и не получила учёной степени, умею лишь читать и писать, — она смущённо потравла мозолистые руки и добавила: — О, а ещё раньше я изучала искусство Цинь и Хуан, можно сказать, немного разбираюсь в медицине.

Грамотная и знающая медицину? Это неплохо.

— А они? Что они умеют? — я кивнула на двух молодых женщин и нескольких мужчин, стоявших за её спиной.

— Мои дочери тоже грамотны, но учёных степеней у них пока нет; что же касается зятьев и наложников, они умеют только шить да латать одежду, — она с досадой глянула на собственных дочерей и виновато добавила.

Узнав обстановку, я повернулась к стоявшему неподалёку трактирщику:

— Какие работники вам нужны? Учитель в частную школу, лекарь для приёма пациентов, вышивальщицы... Или, может, кто-то для поручений, написания писем и мелкой подсобной работы?

— Ну, даже не знаю... — трактирщик с сомнением окинул взглядом оборванцев, и в его оценивающих глазах промелькнуло брезгливое выражение.

Я протянула руку и попросила у Цзян Чжо немного серебра, швырнула на стол увесистый слиток и в упор, с серьёзным выражением лица, посмотрела на трактирщика:

— Подумай хорошенько... Это тебе за хлопоты. Конечно, конечно, разумеется! В нашем маленьком городке больше всего не хватает людей, умеющих читать и писать! — управляющая тут же заулыбалась и закивала. — Можете смело поручить это дело мне, я обязательно найду для них подходящую работу!

— Хорошо, — я отдала остатки серебра управляющей и опустила на землю маленькую девочку, которая наелась досыта и теперь сладко зевала. — Это плата за жилье на три месяца. Снимите для них небольшой дворик, купите чистой одежды и предметов первой необходимости. Если же решите присвоить часть денег себе и я об этом узнаю... Мои стражники шутить не любят, понимаете?

Раздалось несколько звонких лязгов: стражники синхронно наполовину вытащили мечи из ножен и сурово посмотрели на управляющую, отчего та затряслась и закивала еще усерднее.

— Хозяйка, время позднее, пора в путь.

Увидев, что я закончила распоряжения, Цзян Чжо тихо и бесстрастно произнесла эти слова.

Я взглянула на небо: уже наступил второй половине дня. Если ехать медленно, мы не успеем добраться до следующего города до закрытия городских ворот и тогда придется ночевать в диких местах.

Кивнув, я поднялась вместе с ними и уже собиралась уходить, как вдруг раздался глухой стук — пожившая женщина резко опустилась на колени. Сразу после этого послышалось еще несколько стуков: остальные тоже рухнули на землю. Родители прижали головы маленьким детям, а те воровато и с детским непониманием поглядывали на нас. В их взгляде читалось такое неожиданное сожаление, что у меня промелькнула мысль взять девочку с собой, но... это было лишь мимолетным порывом.

— Великая благодетельница, вашу доброту я не забуду до конца своих дней! Прошу, примите наш поклон.

Она глубоко поклонилась, ударившись лбом о деревянный пол так звонко, что у меня внутри все сжалось. Поборов желание отпрянуть, я сдержанно приняла этот поклон.

— Назовите ваше имя, благодетельница. Старуха хочет установить дома табличку с вашим именем, чтобы день и ночь молиться о вашем благополучии.

Мое имя...

Я коснулась украшения на поясе и оказалась в тупике. Если бы они узнали, что я — та самая пресловутая Лин-ван, не предпочли бы они умереть, чем принять мою помощь? Покачав головой, я легко улыбнулась в ответ:

— Меня зовут Цзянь Синь. Просто и по воле сердца.

Ночевка в поле

— Хозяйка, почему вы не отдали серебро тем беженцам напрямую?

Сидя в слегка покачивающейся карете и от скуки перебирая узелки на шнурке пояса, я услышала прохладный и чистый голос Цзян Чжо.

Обычно на каждые три слова, сказанных мной, она отвечала в лучшем случае одним. То, что она заговорила первой — большая редкость, поэтому я даже обрадовалась, восприняв это как приятный сюрприз. Страхнув скуку, я принялась серьезно отвечать на ее вопрос:

— Ты слышала поговорку: лучше дать человеку удочку, чем рыбу?

По ее выражению лица я сразу поняла, что сболтнула лишнего. Откуда ей было знать крылатую фразу из другого мира?

Чтобы не выдать себя, я торопливо пояснила:

— Эти беженцы потеряли дома и сбережения, но они не утратили волю к жизни и способность зарабатывать на хлеб. Слепая благотворительность и постоянное иждивенчество рождают лишь лень и праздность. Вернуть им веру в себя и научить самих добывать пропитание — вот лучшая помощь, которую мы можем им оказать...

Я уже вошла во вкус, как вдруг заметила, что пара глубоких глаз пристально смотрит на меня. В этом взгляде переливались какие-то неуловимые чувства: то ли холодные искры досмотра, то ли едва заметный свет одобрения. От такого взгляда мои щеки запылали, язык запнулся, и я умолкла, не в силах вымолвить больше ни слова.

— Хозяйка мудра, Цзян Чжо усвоила урок.

Вскоре она отвела взгляд, откинулась на стенку кареты, закрыла глаза, погрузившись в медитацию, и больше не обращала на меня внимания.

Я наконец облегченно выдохнула, а сердце заколотилось птицей в груди. Ее присутствие заполняло это тесное пространство кареты, а тонкий аромат неуловимо касался моего обоняния, словно кошачья лапка щекотала мне ладонь. Руки так и чесались дотронуться до нее.

Я хлопнула себя ладонью по лицу, приложив немалую силу. Звонкий шлепок и легкая боль мгновенно вернули меня к реальности. Я поспешно собралась с мыслями, успокоила сердце и чинно села прямо, не смея больше своевольничать и строить глупые планы.

Просидев неподвижно несколько часов, я отчетливо почувствовала, что карета прибавила ходу. Если прикинуть по времени, мы уже давно должны были въехать в пределы Города Сяньвэй. Почему же мы до сих пор не останавливаемся на отдых?

Я затекшими ногами передвинулась ближе к выходу, приподняла занавеску и выглянула наружу. За окном все еще тянулись дикие поля и дремучие леса — ни деревень, ни постоянных дворов, и даже из труб не шел дымок жилья.

Заметив мое недоумение, Цзян Чжо достала из небольшой тумбочки в карете тарелку с печеньем, которое мы захватили с собой, и поставила передо мной:

— Тот нищий тоже говорил, что река Цзиньхэ вышла из берегов, а в Городе Сяньвэй сейчас беспокойно. Лучше сделать крюк, а сегодняшнюю ночь хозяйке, к сожалению, придется провести на ночлеге под открытым небом.

— Ох... — я кивнула, отправила в рот кусочек печенья и не стала возражать. Меня лишь немного беспокоила хрупкая конституция тела Куан Сихань: ночь обещала быть холодной, кругом дикая глушь, и неизвестно, хватит ли в повозке теплых одеял, чтобы пережить эту ночь.

Мои опасения оказались не напрасны.

Небо постепенно темнело. Нижняя часть тела от долгого сидения онемела и ныла, кости казались готовыми рассыпаться на части, а организм подавал тревожные сигналы о том, что предел его выносливости близок... Хуже того, с закатом солнца температура стремительно

падала, а тонкого шелкового покрывала, изначально постиланного в карете, явно не хватало для тепла.

Увидев, что я побледнела, Цзян Чжо приоткрыла занавеску и бросила правившему конями стражнику:

— Остановиться, развести костер, разбить лагерь.

Затем она повернулась ко мне, и в ее глазах мелькнуло нечто похожее на извинение:

— Мы не приготовили в дорогу теплой одежды, это упущение подчиненных.

— Ничего страшного, ты здесь ни при чем, просто мое тело подводит меня, — я махнула рукой, сдерживая щекочущий кашель в горле. Мне вовсе не хотелось заставлять ее чувствовать вину. Цзян Чжо и остальные стражники были сильными практиками, закаленными воинами, которым холод нипочем, поэтому им и в голову не приходило запастись зимними вещами. К тому же по изначальному плану ночевать вне стен городов мы не собирались, так что винить их было не в чем.

Повозка остановилась на ровной площадке, удобной для привала.

Опираясь на руку Цзян Чжо, я выпрыгнула из кареты. Со всех сторон потянул пронизывающий ветер, и мои и без того прохладные руки вмиг стали ледяными.

Чтко заметив это, Цзян Чжо не сразу отпустила мою руку — напротив, она согрела ее в своих теплых ладонях, развернулась так, чтобы закрыть меня от ветра, и медленно повела к костру, который уже развели стражники.

Заботливая стражница постелила на землю круглый соломенный коврик, а рядом поставила низкий столик с фруктами, перенесенный из кареты. Я держала в руках чашку с чаем, которую налила Цзян Чжо, ощущая, как тепло от керамики передается ладоням. Отражаясь в пляшущих языках пламени, жар костра постепенно растапливал холод, и щеки начали обретать прежний цвет.

Вскоре вернулись стражники, отправленные за водой и на охоту. Одна несла пузатые кожаные фляги, а вторая держала за уши двух живых, трепыхающихся кроликов. Заметив, как девушки радостно смотрят на упитанных зверьков, и перехватив долгий взгляд Цзян Чжо, я молча проглотила слова, готовые сорваться с губ — мольбу пощадить бедных крошек.

Хотя крольчата и были милыми, стражницам явно требовалась сытная еда, чтобы поддерживать силы. Я еще не дошла до той степени наивности, чтобы морить голодом верных воинов ради собственного мимолетного сострадания.

Я отвела глаза, стараясь не смотреть, как они перерезают горло и сдирают шкурки, и вновь посмотрела в их сторону лишь тогда, когда до носа донесся аппетитный запах жареного мяса.

Одна из стражниц аккуратно нарезала кинжалом зажаренную крольчатину тонкими ломтиками, уложила их на маленькую тарелочку и подала мне.

Я улыбнулась ей и мягко толкнула тарелку обратно:

— Я не голодна, разделите это между собой.

Цзян Чжо нахмурилась в знак несогласия:

— Хозяйка, не поев, как вы найдете силы продолжать путь?

— Пустяки, я поем печенья. Все равно мы едем в карете, особых затрат энергии не предвидится, — покачала головой я, наотрез отказываясь от блестящего от жира мяса.

Похоже, она догадалась, в чем дело. Цзян Чжо забрала кинжал из рук стражницы и несколькими быстрыми движениями срезала весь жир, оставив лишь чистейшее постное мясо с ножки. Нанизав его на кончик клинка, она протянула его мне с непреклонным выражением лица.

Я некоторое время смотрела на предложенный кусочек, затем скривила губы и со вздохом подалась вперед, слегка прикусив мясо прямо с лезвия. Стянув его в рот, я принялась неторопливо жевать. Без перца, зиры и прочих специй, но с добавлением меда, мясо обладало особым, сладковато-свежим вкусом.

Проглотив кусочек и слизав капельку сока с губ, я подняла глаза и увидела, что Цзян Чжо держит кинжал перед собой и смотрит на меня странным, донельзя глубоким взглядом. В отсветах пламени ее черные глаза казались объатыми двумя золотистыми языками пламени — ослепительно прекрасными, от которых невозможно было отвести взгляд.

Мгновение спустя, словно очнувшись от наваждения, Цзян Чжо невозмутимо отвела глаза, принялась запивать водой доставшуюся ей крольчатину с печеньем и больше не обращала на меня внимания.

Наевшись досыта и умывшись принесенной водой, я улеглась прямо на прогретую костром землю. Оставшееся тепло поднималось сквозь толстое ватное одеяло, окутывая тело приятной негой.

Цзян Чжо и остальные стражницы расположились кругом вокруг меня, закрывая от ночного ветра. Лишь двое дежурили с мечами наготове.

Навалилась усталость. Забыв о неудобствах ночевки в чистом поле, я провалилась в тяжелый сон.

Не знаю, сколько прошло времени, но я резко проснулась. Подстилка под телом полностью остыла, и от прикосновения к ней веяло ледяным холодом.

Вокруг царила непроглядная тьма, и лишь редкие, блеклые звезды мерцали на небе. Лунный свет пробивался сквозь переплетение ветвей, ложась на землю подобием прозрачной марли и добавляя призрачной ночи тростниковой красоты. Если бы не пронизывающий холод, заставлявший меня дрожать, я бы, пожалуй, даже оценила этот пейзаж.